

18+

Макс Зорин

Ультрамарин

Макс Зорин
Ультрамарин

«Издательские решения»

Зорин М.

Ультрамарин / М. Зорин — «Издательские решения»,

История о жизни молодой лаборантки Веры Зайцевой в провинциальных Вязниках. Она существует в двойном плену — семьи с больной матерью и сестрой-подростком, которую содержит, и токсичных отношений с Виталиком, оплачивающим содержание ценой её тела. Встреча с реставратором икон Арсением, приехавшим из Москвы восстанавливать старинную фреску, даёт ей надежду на освобождение. Беременность заставляет Веру сделать решающий выбор между привычным рабством и правом на собственную жизнь.

© Зорин М.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	15
ГЛАВА 5	17
ГЛАВА 6	19
ГЛАВА 7	21
ГЛАВА 8	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ультрамарин

Макс Зорин

© Макс Зорин, 2026

ISBN 978-5-0070-3041-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Утро в Вязниках начиналось с запаха сырой извёстки, которая въелась в стены хрущёвки на улице Советской, и с глухого гудения хлебозавода за железной дорогой. Вера открыла глаза ещё затемно, но не пошевелилась — прислушивалась к дыханию матери в соседней комнате. Если храп ровный, с присвистом — жива, спит, можно не дёргаться лишний раз. Если тишина — надо вставать и проверять пульс на тонком запястье, перетянутом резинкой от носка — Лидия Петровна почему-то считала, что это помогает при давлении.

Храп был. Ровный, басовитый, с переливами. Вера откинула одеяло — ситец с вылинявшими пионами, — сунула ноги в стоптанные тапки и прошлёпала на кухню, попутно заглянув в комнату сестры. Наташка спала, свернувшись калачиком под плакатом группы «Звери»; на столе рядом с её локтем светился гаснущим экраном старенький ЭЛТ-монитор — с ночи так и не выключила аську. Вера потянулась было к системному блоку, но передумала: пусть спит, через час школа, вторая смена.

На кухне, как всегда по утрам, пахло кислым — в раковине стояла немытая с вечера кастрюля из-под гречки. Вера сполоснула лицо ледяной водой, не глядя в зеркало. Зеркало она не любила; точнее — не любила своё отражение в половине шестого утра. Угловатые плечи, ключицы, которые выпирали так, будто она постоянно пожимала плечами, бледная кожа и вечно обкусанные губы — она сама называла это «физиономией хронической недосыпной лошади». Но сегодня почему-то задержалась взглядом на секунду дольше: заметила, что под правой скулой желтел старый синяк. Уже почти сошёл, осталась только тень — напоминание о том, как две недели назад она неудачно повернулась на кухне, а Виталик просто «поддержал», слишком сильно. Бывает.

Чайник закипел с металлическим стуком. Вера заварила чай в большой эмалированной кружке, бросила три ложки сахара — не от сладкой жизни, а от привычки, оставшейся с детства, когда сахар заменял завтрак. Пока пила, обжигая нёбо, пролистывала на мобильнике пропущенные сообщения. «Моторола» с треснувшим корпусом высветила одно входящее от «Vitalic_33»: «К 8 подъеду. Будь человеком». Не «доброе утро», не «привет». «Будь человеком» означало: надень то чёрное платье, которое он купил на рынке, накрасься, не спорь.

Она хотела ответить «ок», но пальцы замерли над кнопками. Вместо этого открыла ноутбук, стоявший тут же, на углу стола, прикрытый кухонным полотенцем. На экране, мигая зелёным цветочком, висела аська. Один контакт в оффлайне, второй — «Sobakin» с ником «Арсений». Он был онлайн вчера около полуночи, но не написал. Вера сама себе удивилась, почувствовав укол разочарования, и тут же одёрнула: с чего ты вообще ждёшь? Это просто случайный человек с форума «Владимирские готы», который зачем-то вступил с ней в дискуссию о Бродском, и теперь они обменивались сообщениями раз в несколько дней. Ничего такого.

Наташка заворчалась. Вера поспешно захлопнула ноутбук, допила чай и пошла одеваться. Достала из шкафа то самое чёрное платье — трикотажное, с глубоким вырезом, которой она всегда прикрывала шарфиком, пока не сядет в машину. В нём она чувствовала себя чужой, как переодетая в костюм из чуждой пьесы. Но Виталику нравилось. И, честно говоря, платье было куплено на его деньги, как и шкаф, и чай в кружке, и таблетки матери.

Ровно в восемь у подъезда засигналила чёрная «Ауди». Вера, уже стоявшая у окна с сумкой, торопливо чмокнула Наташку в макушку, крикнула в комнату матери: «Я на работу, к обеду вернусь!» — и выскочила на лестничную клетку, где пахло кошками и мокрой штукатуркой. Лифт, разумеется, не работал. Она сбегала по ступенькам, стараясь не стучать каблукми, и выскользнула в серый двор.

Виталик курил, привалившись плечом к дверце машины. Крепкий, с мощной шеей, на которой золотая цепь смотрелась как ошейник, он производил впечатление человека, который любой вопрос решает кулаками. На нём была бордовая рубашка и тёмные джинсы, на запястье — массивные часы из жёлтого металла. Он оглядел Веру, хмыкнул одобритительно:

— Ну, нормально. Садись, замёрзнешь.

Она села. В салоне пахло кожзамом и ароматизатором «ёлочка» — приторно-хвойным. Виталик сел за руль, не снимая перчаток, и сразу врубил «Русское радио». «Ты здесь, ты рядом, и сердце поёт...» — заорало из колонок. Он сделал звук тише, но не выключил.

— Мать как?

— Спит.

— Это хорошо. Я тут это... шампанского привёз. Заедем после смены, заберёшь. И сеструхе шоколад.

— Спасибо, — Вера выдавила это слово так, будто оно прилипло к нёбу.

Он ехал не на хлебозавод, а в противоположную сторону — к мотелю «Кедр» на выезде из города. Вера знала этот маршрут до дрожи. Там, в номере с бордовыми портъерами и вечно текущим унитазом, два раза в неделю происходило то, что Виталик называл «отдохнуть», а она — «отработкой содержания». Не любовь, нет. Скорее ритуал, подтверждающий его право на неё. Он никогда не был жесток, скорее, физиологичен и сосредоточен, как спортсмен на тренировке. И это было даже хуже жестокости: жестокость можно возненавидеть, а равнодушное использование обезличивает до состояния инструмента.

Утренний свет резал глаза. Вера смотрела на проплывающие за окном серые панельные дома, ларьки «Куры-гриль», рекламу пива на обшарпанном билборде — и думала о том, что вчера Арсений написал в форуме одну фразу, которая зацепилась за край сознания и не отпустила. Он ответил на чей-то пост о судьбе цитатой из Бродского: «Смерть — это то, что бывает с другими». И добавил: «Так же, как и любовь». Тогда ей показалось это циничным, но сейчас, глядя на мелькание дорожной разметки, она ощутила, насколько это правда. Любовь — то, что случается с героинями сериалов. А здесь, в машине с нагретым сиденьем и запахом «ёпочки», была просто сделка.

Мотель «Кедр» встретил их скрипом дверей и администраторшей тётей Томой, которая даже не подняла глаз — настолько примелькалась эта пара. Ключ был выдан без слов. Номер — с теми же бордовыми портъерами и ковром, вытертым до основы. Пока Виталик мыл руки в крошечной ванной, шумно отфыркиваясь, Вера села на край кровати и уставилась на собственное отражение в тёмном экране телевизора. Чёрное платье, острое плечо, беззащитное горло. Она подумала: «Интересно, что бы сказал Арсений, если бы увидел меня сейчас?» И тут же одёрнула себя — зачем, глупая?

Когда всё закончилось, Виталик закурил прямо в постели, стряхивая пепел в пластиковый стаканчик из-под чая. Он говорил о каких-то делах: о поставках муки, о том, что мэрия задолжала, что пора менять резину на машине. Вера слушала вполуха, механически кивая. Потом он вдруг повернулся к ней, взял за подбородок — сильно, но не до боли, — и сказал:

— Ты, это... береги себя, слышишь? Я же тебя как человека прошу. Не дури.

«Как человека». Опять это слово. Она кивнула. Он отпустил подбородок, и на коже остался красный след, как печать.

В девять пятнадцать они вышли из мотеля. Виталик повёз её на завод, по дороге купив два беляша в ларьке — сунул ей в руку, как будто платил нал. У ворот хлебозавода, пропахших дрожжами и мазутом, он притормозил:

— Вечером позвоню. Если что — не теряйся.

Машина уехала, оставив за собой сизый выхлоп. Вера зашла в проходную, где вахтёрша Людка красила ногти ядовито-розовым лаком и, не отрываясь, спросила: «Чё грустная? Опять Кулаков?» Вера ничего не ответила, прошла в раздевалку, переоделась в белый халат и шапочку. Лаборатория находилась в конце коридора — крошечная комната с весами, колбами и запахом сероводорода. Сегодня надо было брать пробы теста из трёх замесов и делать анализ клейковины. Руки делали привычную работу, а голова была занята совсем другим.

В обед, в заводской столовой, где кормили подгоревшей кашей и жидким киселём, Вера достала телефон и, поколебавшись, отправила Арсению сообщение через аську: «Ты как? У нас дождь обещали». Глупое, пустое сообщение — но ей нужно было хоть кому-то сказать что-то без расчёта, без оглядки. Ответ пришёл через четыре минуты: «Дождь — это хорошо. Я сегодня в храме буду, за рекой. Приходи, если хочешь».

Вера перечитала это трижды. Храм за рекой. Она знала это место — полуразрушенная церковь Казанской иконы, куда местные мальчишки лазали за голубями, а местные алкаши бухали. Но Арсений упоминал, что он реставратор икон, что приехал из Москвы делать обмеры. Видимо, работал там. Приглашение было, конечно, не приглашением — просто брошенная вскользь фраза. Но за ней Вере почудилась дверь, которую можно открыть, и за ней — не мотель «Кедр», не чёрное платье, не анализы клейковины, а что-то, чему она ещё не знала названия.

Остаток смены прошёл в нервном, зудящем ожидании. Вера делала пометки в журнале, калибровала рН-метр и думала, как объяснить матери, что сегодня она не придёт ужинать. Мать всё равно ничего не спросит — будет сидеть у телевизора, и жевать хлеб с маргарином. Наташка, может, и заметит отсутствие, но скорее обрадуется: будет меньше контроля.

В пять вечера, когда заводской гудок возвестил конец смены, Вера быстро переоделась в джинсы и серый свитер, чёрное платье засунула в пакет. Вышла за проходную, постояла секунду, вдыхая холодный октябрьский воздух. Потом, вместо того чтобы повернуть к дому, пошла к мосту через Клязьму.

Дорога заняла минут сорок пешком. Храм стоял на пригорке, окружённый голыми берёзами. Купол провалился, от колокольни остался только остов. Но внутри, когда она осторожно

вошла через покосившуюся дверь, горел свет — переносная лампа на аккумуляторе. И в этом скудном свете, на строительных козлах, стоял человек.

Она видела его раньше только на аватарке — размытое фото в полумраке. Он оказался худым, в заляпанных краской джинсах и растянутом свитере. Длинные пальцы держали кисть, которой он аккуратно снимал копоть с фрагмента фрески. Рядом, на расстеленной плёнке, лежали инструменты, пахло растворителем и воском. Он не обернулся, но Вера поняла, что он знает: она здесь.

— Осторожнее, там доска гнилая, — произнёс он негромко, не отрываясь от работы. Голос был ниже, чем она представляла, и звучал так, будто он постоянно извинялся.

— Я поняла, — ответила Вера и застыла у входа.

Так, в тишине, простояли они несколько минут. Потом Арсений отложил кисть, спустился с козел и впервые взглянул на неё вживую. Близоруко прищурился, снял очки, протёр и надел снова. И сказал странную вещь:

— А вы на свой аватар не похожи. Там вы вроде как спрятанная, а здесь — наоборот.

Вера не нашлась, что ответить. Только прислонилась к холодной каменной стене, чувствуя, как внутри что-то медленно оттаивает.

ГЛАВА 2

Свидание в храме не было свиданием — скорее, молчаливым совместным трудом, который сближает сильнее любых разговоров. Арсений, представившийся полностью — Арсений Павлович Горелов, — попросил её подержать линейку у края фрески, пока он делал замеры для проекта реставрации. Вера, никогда не державшая в руках ничего серьёзнее лабораторной пробирки, вдруг ощутила свою нужность иначе — не как функцию, а как присутствие. Когда её пальцы случайно коснулись его запястья, когда он поправлял рулетку, оба вздрогнули, но ни один не отдернулся. Контакт продлился на секунду дольше необходимого, и эта секунда впиталась в тишину храма, как вода в сухую землю.

Позже они сидели на расшатанной скамье у входа, пили чай, заваренный горячей водой из термоса — Арсений налил ей в потёртую алюминиевую кружку. Чай был с бергамотом, непривычный, горьковатый, но Вера глотала его жадно, потому что так пахло от него самого. Арсений рассказывал о храме: о том, что фреска, которую он расчищает, — редчайшая, конца XVII века, что под слоем копоти скрывается изображение Богоматери с почти живыми глазами. Он говорил долго, иногда сбиваясь на профессиональный жаргон, но Вера слушала не столько смысл, сколько интонацию. В его речи не было ни приказов, ни просьб о подтверждении. Он говорил так, будто ему интересно делиться, а не поучать. И это было настолько ново, что она боялась спугнуть момент.

— А ты сама? — вдруг спросил он, перестав теревить ярлычок от чайного пакетика. — Почему на форуме? Случайно или по делу?

— Скорее случайно. У нас тут в Вязниках делать нечего, — она помолчала. — Сестра в «готы» играла, я ей помогала аккаунт настраивать, заодно зарегистрировалась. А потом затынуло... Там хоть кто-то говорит не о ценах на муку.

— Ты на хлебозаводе работаешь?

— Лаборантом. Клейковина, влажность, кислотность. Скука.

— Скука — это неплохо. Скука — это безопасность, — он усмехнулся уголком рта. — У меня вот, наоборот, всё время движуха. То леса сгниют, то заказчики кинут. А здесь — тишина.

Она хотела сказать, что её безопасность — мнимая, что за неё платят телом и волей, но не сказала. Вместо этого спросила про Москву. Арсений оживился, но как-то невесело: рассказал, что живёт в коммуналке на Пречистенке, что реставраторам платят копейки, что у него была жена, которая ушла к архитектору, потому что «от тебя, Сеня, пахнет старым лаком и безнадёгой». Он произнёс это с лёгкой улыбкой, но Вера уловила под ней застарелую боль, похожую на ту, что живёт в ней самой. Только его боль была оплакана и иронично завернута в самоиронию, а её — заперта под рёбрами.

Сумерки спускались быстро. Арсений засобирался: ему нужно было вернуться в съёмную комнату, пока хозяйка, тётя Рая, не начала звонить в милицию. Вера накинула капюшон, собираясь идти к мосту, но он неожиданно предложил проводить. «Темно уже, и фонари не горят. А я всё равно в ту сторону». Она согласилась, хотя знала, что ему в другую сторону.

Дорога шла мимо гаражей и частных домов с покосившимися заборами. Где-то лаяли собаки, где-то гремела музыка из приоткрытой форточки «девятки». Говорили мало, но молчание было тёплым, уютным. У подъезда Вера остановилась. В окне горел свет — мать не

спала, значит, будет спрашивать, если заметит, что она пришла поздно и без Виталика. Но выбора не было.

— Спасибо, что пришла. Я завтра опять там, — сказал Арсений и, помедлив, достал из кармана маленький бумажный свёрток. — Вот, это... от фрески. Отшелушилось при расчистке. Не бог весть что, но как напоминание о сегодняшнем. Можно?..

Она развернула. Кусочек штукатурки с частичкой голубого пигмента. Ерунда, казалось бы, а у Веры перехватило дыхание. Она зажала его в кулаке так крепко, что края впились в ладонь.

Дома действительно пахло скандалом. Лидия Петровна сидела на кухне в халате и, не мигая, смотрела на неё мутными, чуть желтоватыми глазами.

— Где шлялась? Я звонила Кулакову, он тебя искал.

— У подруги была, — соврала Вера, стягивая ботинки. — По поводу Наташкиного дня рождения советовалась.

— У тебя нет подруг. У тебя есть обязательства.

Фраза ударила как пощёчиной. Вера молча прошла в ванную, закрылась на щеколду и, стоя перед зеркалом, разжала кулак. Кусочек фрески, крошечный, голубой, лежал на ладони, как осколок иного неба. Она положила его в пустой пузырёк из-под корвалола и спрятала в карман старого пальто, висевшего в прихожей. Затем умылась, смывая с лица липкий налёт усталости и запах мотеля, который ей всё ещё мерещился на коже.

Виталик не звонил до десяти, но ровно в десять телефон ожил. «Ты дома?» — без приветствия. «Да», — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал как обычно. «Чё не на связи была? Я к тебе завтра заеду с утра, надо съездить в одно место». «Хорошо», — сказала она, и нажала «отбой». Потом, не раздеваясь, села к ноутбуку. Арсений был онлайн. «Дошла?» — написал он. «Да. Спасибо за кусочек неба», — ответила она и удивилась собственным словам. Через несколько секунд пришёл ответ: «Это ультрамарин. Он не выцветает столетиями. Хорошо, что у тебя есть такой».

Она закрыла крышку ноутбука и долго сидела в темноте, слушая, как в соседней комнате тихо плачет во сне Наташка — наверное, ей опять снилось, что отец уходит. Этот звук был привычен, как бой часов. Но теперь внутри поселилось новое ощущение: кто-то впервые подарил ей не обязанность, а кусочек неба.

На следующий день утро повторилось: храп, чай, платье, машина. Только теперь она смотрела на всё через призму того голубого кусочка. Виталик заметил перемену, но истолковал по-своему:

— Чё лыбишься? Влюбилась, что ли? Смотри у меня, — пошутил он с интонацией, которая шуткой не была.

Она промолчала, но про себя отметила, как быстро тирания распознаёт угрозу даже в лёгком изменении мимики. Когда они снова приехали в «Кедр», Вера, раздеваясь, специально отвернулась к стене, чтобы он не видел её лица. И когда всё закончилось, она торопливо, под первым попавшимся предлогом, уехала на завод сама — на автобусе, сославшись на то, что ей надо в администрацию. В тряском, пропахшем бензином салоне «пазика» она достала телефон

и написала Арсению: «Буду в храме после трёх». Он ответил почти мгновенно: «Жду». И это «жду» было самым тёплым словом, которое она слышала за последние полгода.

ГЛАВА 3

Октябрь в том году выдался на редкость сухим, но ветреным. Берёзы стояли голые, и сквозь их ветви просвечивал купол храма — вернее, то, что от него осталось, — ребристый остов, похожий на скелет гигантской рыбы. Вера теперь ходила туда почти каждый день, как на работу, с той разницей, что здесь она получала не зарплату, а нечто, что сложно обменять на продукты, но без чего жизнь вдруг оказалась бы пресной. Арсений встречал её всегда одинаково: лёгким кивком и предложением чая или помощи в обмерах. Она быстро научилась различать слои штукатурки, стала понимать, где «поновление» XIX века, а где — подлинник. И хотя её участие было чисто механическим — подай, придержи, запиши, — в этом механическом действии рождалось чувство сопричастности к чему-то вечному.

Через неделю Вера впервые увидела ту самую фреску Богоматери целиком, когда Арсений закончил расчистку центрального фрагмента. Лик, проступивший из-под копоти, оказался не суровым, как она ожидала, а скорбно-задумчивым, с лёгкой асимметрией глаз, отчего казалось, что Богоматерь смотрит одновременно на всех и ни на кого. У Веры вдруг сжало горло: она вспомнила свою бабушку, которая когда-то водила её в этот храм ещё до того, как его закрыли в конце девяностых. Бабушка пахла ладаном и земляничным мылом и всегда шептала: «Ничего, Верунь, Бог терпел и нам велел». Тогда эти слова казались пустыми, теперь же, стоя перед расчищенной фреской, она ощутила их давящую правду: терпеть — это не добродетель, а навык выживания, который въедается в кость.

— Красивая, да? — тихо спросил Арсений, стоя за её плечом. — Удивительно, как они умудрялись писать так, что взгляд живёт отдельно от плоскости.

— Она как будто всё понимает, — ответила Вера. — И молчит. Как моя мать, только по-другому.

Он ничего не сказал в ответ, но положил ладонь ей на плечо — всего на пару секунд, но этого хватило, чтобы Вера перестала дышать. Затем, словно опомнившись, отдернул руку и отошёл к своим инструментам. В этот момент в храме, где-то под сводами, гулко ухнул голубь, и звук разлетелся эхом, подчеркнув тишину.

Позже, когда они вместе вышли наружу, Арсений предложил пройти до реки. Клязьма в этом месте делала петлю, вода стояла тёмная, почти чёрная, и отражала низкое небо. Они сели на перевернутую лодку, вмёрзшую одним бортом в песок. Арсений закурил, запах табака смешивался с запахом речной воды и прелых листьев.

— Знаешь, Вера, — заговорил он, глядя на воду, — я ведь трус. Самый обыкновенный. В Москве я мог бы бороться, судиться с заказчиками, которые не платят, но я предпочёл уехать сюда, к чёрту на кулички, лишь бы не выяснять отношения. Моя жена, когда уходила, сказала: «Ты даже скандалить не умеешь». И была права. Я не умею. Я просто исчезаю.

— Это не трусость, — возразила Вера. — Иногда исчезнуть — единственный способ сохраниться.

— Так говорят те, кто привык терпеть, — он повернул голову и посмотрел на неё с пристальностью, от которой ей захотелось спрятаться. — Ты ведь тоже из таких? Молча сжимаешь зубы и делаешь, что говорят?

Вера не ответила. Она чувствовала, как этот разговор подбирается к той опасной черте, за которой придётся либо соврать, либо признаться в том, о чём она не говорила никому. И всё же что-то подтолкнуло её — возможно, та самая Богоматерь, оставшаяся за спиной.

— У меня есть человек, — начала она медленно, подбирая слова. — Виталик. Он... содержит нашу семью. Я не люблю его, но и он меня не любит. Это скорее договор. Мне казалось, это нормально. Многие так живут.

Арсений помолчал. Потом затушил окурок о борт лодки и аккуратно положил в карман — не бросил на землю.

— Я догадывался. Не конкретно, но... ты иногда смотришь так, как смотрят люди, которых заставили привыкнуть к боли. И запах от тебя — нет, извини, это профессиональное — в первый день я учуял запах дешёвого мужского одеколona. Он въедается, его трудно вывести. Я подумал, может, отец или брат... Но ты не упоминала их.

— Отец умер, брата нет, — сказала она. — Только мать и сестра. И Виталик.

Она произнесла это имя с тем особым выдохом, с каким говорят о застарелой болезни. Арсений кивнул и больше не спрашивал. Но его молчаливое принятие того факта, что она фактически продана, не унизило её, а, наоборот, принесло облегчение. Словно он подтвердил: с тобой случилось насилие, но ты — не насилие, ты отдельно.

Назад к городу они шли через лесополосу, огибавшую заброшенный пионерлагерь. Вера рассказывала о своей работе, о том, как в лаборатории пахнет сероводородом, как она иногда тайком приносит домой бракованные пряники, и Наташка радуется, как маленькая. Арсений слушал, задавал смешные вопросы: как определяют клейковину, можно ли её потрогать, похожа ли она на соплю, и Вера смеялась — сначала неуверенно, а потом всё громче, почти до слёз. Смех был странным, непривычным, словно она впервые использовала мышцы, отвечающие за смех.

У подъезда, прощаясь, она вдруг спросила:

— Арсений, а ты веришь, что можно начать сначала? Не в Москву уехать, а именно — с чистого листа?

Он задумался, поднял воротник куртки, потому что ветер усилился.

— Я верю, что иногда лист не чистый, а перевернутый. И на обратной стороне уже что-то нарисовано, но ты об этом не знал. Просто надо перевернуть.

Ночью, лёжа под ситцевыми пионами, Вера ворочалась и думала об этом перевернутом листе. Рядом, на тумбочке, лежал мобильник с непрочитанным сообщением от Виталика: «Завтра в 10, надень юбку». Она прочитала и не ответила. Впервые за два года не ответила на его приказ. И это крошечное, булавочное неподчинение наполнило её ужасом и восторгом одновременно.

ГЛАВА 4

Ноябрь ударил первыми заморозками. Улицы покрылись тонкой ледяной коркой, и ходить приходилось мелкими шажками, как по натянутому канату. На хлебозаводе случилась авария — прорвало трубу с горячей водой, и лабораторию на два дня закрыли, так что Вера неожиданно получила внеплановые выходные. Обычно такое означало бы полную безрадостность: мать будет пилить, Наташка требовать денег на CD-плеер, Виталик найдёт, чем занять её время. Но теперь у неё было убежище — храм.

В один из таких морозных дней она пришла туда раньше обычного. Арсения ещё не было. Внутри стояла особенная, звенящая тишина; сквозь проломы в кровле виднелось бледное небо, и косой луч света падал прямо на расчищенную фреску, заставляя ультрамарин светиться почти электрически. Вера села на перевёрнутый ящик из-под раствора и просто смотрела. Ей казалось, что эта фреска — единственный свидетель её настоящей жизни, не той, где она кукла в чёрном платье, а той, где она принимает решения и испытывает чувства, не подлежащие учёту.

Арсений пришёл около одиннадцати, продрогший, с красным носом и пакетом, в котором позвякивали бутылки — кефир и ряженка. Он смущённо объяснил, что у хозяйки случился приступ щедрости, и она выдала ему просроченной молочки, а он не мог отказать. Вера улыбнулась, представив, как интеллигентный москвич пьёт кефир из горлышка, и предложила согреть чай на маленькой газовой горелке, которую он использовал для подогрева воска.

За чаем разговор зашёл о прошлом. Арсений рассказал, как попал в реставрацию — через художественное училище и неудавшуюся попытку стать станковым живописцем. «В живописи я был слишком старателен, а в реставрации старательность — плюс. Там не надо самовыражаться, надо понимать чужой замысел и не мешать ему. Это сродни смирению. Мне подходит». Он говорил это без позы, без самоуничтожения, и Вера вдруг осознала, что именно смирение она ненавидела в себе больше всего, но теперь, увидев это в другом человеке, засомневалась: может, дело не в смирении, а в том, на что оно направлено?

В ответ она рассказала о своей семье. О том, как отец ушёл, когда Наташке было два года, и мать слегла — сначала просто лежала, отвернувшись к стене, потом начала пить, по чуть-чуть, таблетками заедая. О том, как в тринадцать лет она впервые сварила суп из концентрата и решила, что станет «главной». О том, как в шестнадцать познакомилась с Виталиком на местной дискотеке, куда пошла от отчаяния, и он тогда показался ей спасителем — не бил, давал деньги, обещал помочь с матерью. А потом оказалось, что за эту помощь нужно платить.

— И ты ни разу не пыталась уйти? — спросил Арсений.

— Куда? Снять квартиру? На мою зарплату в три тысячи с копейками? С матерью-инвалидом и сестрой-подростком? Здесь либо панель, либо Виталик. Я выбрала то, что казалось менее грязным.

— Грязь — понятие относительное, — тихо сказал он. — Иногда то, что снаружи чисто, внутри гниёт сильнее.

Этот разговор оставил после себя долгий, тяжёлый осадок, но вместе с ним — удивительное чувство облегчения, будто она наконец выговорила на исповеди, где священник не качает головой, а просто слушает. Когда она уходила в тот день, он вдруг окликнул её:

— Вера, я, наверное, не имею права такое предлагать, но... Если вдруг тебе понадобится помощь, любая — деньги, место переночевать, просто разговор в три ночи — ты скажи. Хорошо?

Она кивнула и быстро пошла прочь, потому что к горлу подкатил ком, а ей не хотелось реветь при нём.

Дома её ждал Виталик. Сидел на кухне с Лидией Петровной, пил чай и что-то обсуждал про пенсионный фонд. Увидев Веру, он осклабился:

— А вот и хозяйка. Чё бледная такая? Замёрзла? Садись, разговор есть.

Оказалось, он решил купить квартиру — не им, а себе, но попросил Веру выступить поручителем по кредиту. Потому что «ты ж мне всё равно как жена, хоть и не расписаны». Лидия Петровна тут же подхватила: «Конечно, Верунь, надо помочь человеку. Он для нас столько делает». И Вера, сидя на табуретке, чувствовала, как изнутри её заполняет, нет не страх, а нечто похожее на цементный раствор — густой, холодный, застывающий. Она не могла отказать. Не здесь, при матери, которая смотрит с надеждой и одновременно с угрозой: не дай бог ослушаться, ведь от этого зависит, будет ли завтра кефир и таблетки. И она сказала «да», хотя внутри уже начала рисоваться другая, невозможная картинка: своя комната, без чёрного платья, без «будь человеком».

Ночью, когда Виталик уехал, она открыла аську. Арсений был онлайн. «Ты говорил, можно позвонить в три ночи?» — написала она, и тут же пожалела. Но ответ пришёл: «Я как раз не сплю. Что случилось?» И она, печатая медленно, слово за словом, выплеснула всё: про кредит, про то, что её подпись будет значить кабалу ещё лет на десять, про ненависть к себе за безволие. В ответ он не прислал советов. Он написал только: «Ты не безвольна. Ты в плену. А плен и воля отличаются не отсутствием решётки, а наличием внутреннего права. Я тебе желаю это право найти».

Она перечитала это несколько раз, пока экран не поплыл перед глазами. Затем закрыла ноутбук и легла. Ультрамариновый осколок по-прежнему лежал в пузырьке из-под корвалола, и она, засыпая, сжимала его в кулаке — как якорь.

ГЛАВА 5

К середине ноября храм окончательно стал для Веры местом, где время текло по другим законам. Утром она по-прежнему просыпалась под храп матери, надевала ненавистное платье, ездила с Виталиком в «Кедр», проводила анализы теста, но каждый свободный час, каждую украденную минуту стремилась туда, за реку. Арсений уже не удивлялся её появлению в любое время. Он молча отодвигал инструменты, освобождая ей место, и иногда, проходя мимо, касался её плеча или спины — как бы случайно, но оба знали цену этим касаниям.

Однажды, когда они заканчивали расчистку нижнего яруса фрески, он вдруг спросил:

— Ты когда-нибудь думала, что будет, если ты просто встанешь и уйдёшь? Прямо сейчас, без денег, без вещей?

— Думала. И каждый раз мне кажется, что меня догонят и вернут. Или хуже — сделают так, что я сама вернусь.

— Кто? Виталик?

— Не только. Мать. Она без меня пропадёт. Наташка школу бросит. Вся конструкция рухнет.

— Конструкция, которая держится на твоём горбу, — не конструкция, а рабство, — произнёс он жёстче обычного. — Извини, я не имею права судить. Просто мне больно видеть, как ты гнёшься.

Она отвернулась к фреске. Слой за слоем открывались новые детали — складки одежды, благословляющая рука, нимб, набранный сусальным золотом, которое чудом сохранилось под копотью. Золото тускло мерцало, как обещание чуда, но Вера чувствовала себя скорее той копотью, которую снимают, чем золотом под ней.

В тот вечер Виталик устроил ей допрос. Он ждал у подъезда, сидя в машине, и, едва она подошла, схватил за локоть и втянул в салон.

— Ты чё творишь? Я тебя обыскался. Мне соседи стучат, что ты к реке шастаешь. К кому?

— Ни к кому. Гуляю. Воздухом дышу.

— Воздухом? — он приблизил лицо вплотную, так что она почувствовала запах перегара.

— Слушай сюда, Зайцева. Узнаю, что с кем-то мутишь — я этого кого-то на куски порву. Тебя не трону, потому что ты моя. А вот ему хана. Поняла?

Она молчала. Он дёрнул её за плечо, вынуждая ответить:

— Я спрашиваю поняла?

— Да. Поняла.

— Вот и умница. И не заставляй меня нервничать.

Он уехал, а Вера ещё долго стояла во дворе, прислонившись к стене, и смотрела на свои замёрзшие пальцы, которыми недавно держала ультрамариновый осколок. Её всю трясло, но не от холода. Она знала, что Виталик не блефует. В городе ходили слухи, как он «разбирался» с должниками и конкурентами — ломали руки, поджигали киоски. И всё-таки больше страха она испытывала не за себя, а за Арсения — за его тонкие пальцы, которыми он касался фрески, за его близорукие глаза, за его трусость, которая делала его беззащитным.

На следующий день она пришла в храм с твёрдым намерением всё прекратить. Сказать: «Прощай, Арсений, я не могу подвергать тебя опасности». Но когда она вошла и увидела его

сидящим на ящике с гитарой в руках — старой, облупленной, явно взятой у хозяйки, — и услышала, как он перебирает струны, напевая что-то из «Аквариума», слова застряли в горле. Он поднял глаза и улыбнулся:

— А я вот нашёл у тёти Раи раритет. Настроил кое-как. Хочешь, сыграю? Правда, я всего три аккорда знаю.

И она села рядом, на тот же ящик, и слушала, как он сбивчиво, но старательно играет «Город золотой». Голос у него был несильный, но приятный, с тёплой хрипотцой. И в эти минуты всё отступило — Виталик, угрозы, кредитный договор, даже больная мать. Осталась только музыка и человек, от которого так не хотелось уходить.

Когда он закончил, Вера положила голову ему на плечо. Молча. Без объяснений. Он не шелохнулся, только чуть подался навстречу, и его щека коснулась её волос. Так они просидели, пока за окнами не сгустились сумерки. Это было самое интимное, что случилось между ними, и в то же время самое целомудренное.

ГЛАВА 6

После того вечера с гитарой Вера перестала врать себе. То, что зародилось между ней и Арсением, больше не умещалось в рамки «случайной переписки» или «дружеского участия». Оно заполняло её всю — от кончиков пальцев, помнивших прикосновение к его запястью, до самого нутра, где что-то мелко дрожало при каждой мысли о нём. И это новое чувство не походило на любовь, какую она видела в сериалах или о какой читала в женских романах. Там любовь была оглушительной, яркой, непременно с постельными сценами и клятвами. Здесь же — тихое, почти подпольное переживание, похожее на свет ультрамарина под копотью: не бросается в глаза, но никуда не исчезает.

Встречи в храме приобрели ритм, о котором они не договаривались вслух. Арсений работал до сумерек, Вера приходила, как только освобождалась от смены или от материнского надзора. Иногда она задерживалась у него до позднего вечера, и тогда он провожал её до самого подъезда, пряча руки в карманах, чтобы не коснуться случайно — но всё равно касались плечами, когда дорога сужалась. Однажды он взял её ладонь и долго держал в своей, изучая линии на коже, будто это был фрагмент древней фрески. Вера замерла, не дыша, и мир вокруг сократился до этого тёплого прикосновения и шороха сухих листьев под ногами.

Виталик, между тем, начал что-то подозревать. Его визиты стали чаще и беспорядочнее — он мог заявиться без звонка, устроить допрос с пристрастием, проверить её телефон. Вера научилась удалять входящие от Арсения сразу после прочтения, а его номер записала под именем «Людмила из лаборатории». Когда Виталик однажды всё-таки взял её «Моторолу» и посмотрел список звонков, он наткнулся на «Людмилу» и хмыкнул: «Чё так часто треплется? Работы мало?» Вера пожала плечами, изобразив скуку, а сердце при этом билось где-то у горла, но пронесло.

На заводе тоже шло своим чередом. Лаборатория работала вполсилы — грянула эпидемия гриппа, и половина сотрудниц сидела по домам. Вере приходилось брать дополнительные смены, что давало лишние деньги, но съедало время. Арсений даже принёс в храм старый плед и электрический чайник, и теперь их сиделки стали уютнее: они заваривали чай, сидели на расшатанной скамье перед фреской, и Арсений рассказывал о своих московских заказах. Один из них — реставрация иконостаса в богатом особняке — сулил неплохие деньги, и он полшутя обещал: «Если выплатят аванс, куплю тебе настоящие краски. Будешь рисовать». Вера отмахивалась — какое там рисовать, она и карандаш в последний раз держала в школе, — но внутри расцветала благодарность за то, что он вообще допускает для неё какое-то будущее, отличное от заводской проходной.

И всё же тень Виталика висела над ними. Однажды, в начале декабря, когда Вера пришла в храм особенно уставшая — смена длилась двенадцать часов, и она валилась с ног, — Арсений усадил её на стул, укутал пледом и молча пристроился рядом, не требуя разговоров. Вера задремала на несколько минут, а проснулась оттого, что его пальцы осторожно гладили её по голове, едва касаясь волос. Она вздрогнула, но не отстранилась. Он прошептал: «Прости, я не удержался. Ты во сне выглядишь как ребёнок, которого никто никогда не гладил». И от этой фразы у неё защипало в носу. Она действительно не помнила, чтобы кто-то гладил её просто так, без причины, без последующей расплаты.

В тот же вечер, уже дома, лёжа в постели, она приняла решение: надо что-то менять. Пусть не сейчас, но после Нового года, когда у Арсения появится аванс, а она скопит немного денег с дополнительных смен, — она попробует уйти от Виталика. Пусть не в Москву, пусть в съёмную комнату, пусть с матерью и сестрой, но уйти. Эта мысль была страшной, как шаг в темноту, но впервые за долгое время страх не парализовал, а подстёгивал.

Виталик, словно почуяв неладное, на следующий день устроил ей сюрприз: приехал на завод с букетом гвоздик и объявил, что они едут покупать шубу. «Зима, а ты в пуховике доходяжном. Надо, чтоб как у людей». Вера попыталась отказаться, сослаться на усталость, но он уже тянул её за рукав к машине. В меховом салоне, среди вороха шуб, она стояла, как манекен, пока продавщица накидывала на неё норковые манто, а Виталик оценивающе щурился: «Это бери, в нём ты баба видная». Шуба стоила как пять её месячных зарплат, и теперь это была ещё одна золотая цепь, приковывавшая её к нему. Вера благодарила деревянным голосом и чувствовала, как внутри всё холодеет.

Вечером, оставшись одна, она написала Арсению в аську: «Мне страшно. Я не знаю, как разорвать это. У меня теперь шуба и чувство, что я продана ещё на год вперёд». Ответ пришёл через минуту: «Шуба — это всего лишь вещь, которую можно сдать в ломбард или выбросить. Ты — не вещь. Держись». И она держалась — за эти слова, изо всех сил.

ГЛАВА 7

Декабрь наступил морозный, с колючим снегом, который не лежал, а бил по лицу. Храм промёрз насквозь, работать стало невозможно, и Арсений временно перенёс свои изыскания в городскую библиотеку, где изучал архивы по истории Казанской церкви. Вера теперь виделась с ним урывками — то на нейтральной территории в читальном зале, то в кафе «Минутка» у автовокзала, где подавали кофе в пластиковых стаканчиках и слоёные язычки с сахаром. Там, среди орущих детей и командировочных, они чувствовали себя почти в безопасности: в Вязниках никто не искал конспирации, потому что никто не мог вообразить измену от такой серой мыши, как лаборантка Зайцева.

Однако сама Вера с трудом выносила двойную жизнь. Организм начал подавать сигналы: по утрам её мутило, тошнило от запаха дрожжей в лаборатории, а к обеду накатывала такая слабость, что приходилось украдкой прислоняться лбом к холодному кафелю стены. Она списывала это на усталость и грипп, который подкарауливал каждого второго. Но однажды, когда тошнота скрутила её прямо на глазах у напарницы, та хмыкнула: «Зайцева, ты часом не беременная? У меня сноха так же по утрам блевала». Вера отшутилась, но внутри похолодело.

Она стала считать дни. Последние женские дни были... когда? В начале ноября. Сейчас середина декабря. Задержка. Раньше её цикл скакал от нервов, но не настолько. Вечером, когда мать и сестра уснули, она пошла в ванную, заперлась и долго сидела на краю, сжимая в руке дешёвый аптечный тест. Инструкция была напечатана на мятой бумажке, но она знала её наизусть, хотя делала такое впервые. Когда на полоске проступили две полоски — чёткие, яркие, словно нагло утверждающие новую реальность, — Вера сползла по стене на холодный кафель и зажала рот ладонью, чтобы не закричать.

Первая мысль была: «От кого?» Виталик всегда настаивал на «защите», но пару раз, в мотеле, когда он выпил лишнего, мог пренебречь. Или... Арсений? С ним у них не было физической близости в полном смысле, но были те самые объятия на скамье, долгие поцелуи, когда границы размывались, и однажды, в конце ноября, когда они сидели в храме особенно долго, случилось почти неконтролируемое — он целовал её шею, ключицы, и его руки дрожали, а она отвечала, и они тогда не остановились...

Вторая мысль: «Что делать?» Аборт в их городке делали в единственной женской консультации, где всё было по записи и с обязательной беседой у психолога, которая больше походила на допрос. Если Виталик узнает — он либо заставит избавиться, потому что незаконно рожденный ребёнок не вписывается в его планы, либо, наоборот, принудит рожать, чтобы привязать ещё крепче. Если узнает Арсений — он испугается. Он сам говорил о своей трусости. Сбежит ли он теперь? Или предложит помощь? Вера не хотела проверять.

Третья мысль, самая тихая и оттого самая важная, прозвучала внутри неё голосом того самого «внутреннего права», о котором писал Арсений: «Это мой ребёнок. Не важно, от кого биологически. Это будет первый человек в моей жизни, которого я смогу любить без оглядки». И от этой мысли ей стало одновременно душно и легко, словно она нырнула в ледяную воду и вынырнула с ясным знанием: она оставит его.

Следующие дни прошли как в тумане. Виталику она пока ничего не сказала — боялась его реакции. Арсению тоже. Она носила свою тайну под сердцем в прямом и переносном смысле, и это новое знание меняло её изнутри. Она стала замечать вещи, которых раньше не

видела: как Наташка по утрам наливает себе чай и читает «Всеволода Гаршина», как мать, забываясь, напевает что-то из своей молодости, как свет в лаборатории падает на мензурки и создаёт крошечные радуги. Мир приобрёл хрупкость и ценность, она теперь отвечала не только за себя.

Встреча с Арсением в библиотеке оказалась короткой. Он был занят: нашёл редкий план храма за 1856 год и светился энтузиазмом. Вера слушала, улыбалась, кивала, но внутри звенело напряжение. В какой-то момент он взял её за руку, заметил холод пальцев, попытался отогреть в своих ладонях и спросил: «Ты какая-то стеклянная последние дни. Случилось что?» Она чуть не призналась. Но вокруг были люди, библиотекаря за соседним столом, и момент не подходил. «Просто устала, — сказала она. — Давай встретимся вечером в кафе, я попозже освобожусь». Он согласился.

Но вечером не сложилось. Виталик внезапно приехал за ней на завод, отвёз к себе — в ту самую новую квартиру, где он теперь обустроивал «семейное гнездо» и хотел, чтобы она оценила ремонт. Там, среди запаха краски и новой мебели, он с гордостью демонстрировал плазменный телевизор, кожаный диван и говорил: «Вот тут мы с тобой заживём. Детей нарожаем, мать твою перевезём». При слове «детей» у Веры свело живот. Она стояла посреди чужой гостиной, как рыба, выброшенная на лёд. Виталик обнял её сзади, положил подбородок на макушку, и она почувствовала себя вещью, которую внесли в новую квартиру вместе с телевизором.

Когда она наконец добралась до дома, был уже одиннадцатый час. Арсений не звонил и не писал — видимо, понял, что она не придёт. Она открыла аську и увидела одно сообщение: «Надеюсь, с тобой всё в порядке. Если нужна помощь — только скажи». И тогда она, не выдержав, написала: «Нужна. Завтра. В храме, после трёх. Это важно». Ответ пришёл почти сразу: «Буду».

Ночь она провела без сна, прокручивая в голове предстоящий разговор. Как сказать? Какими словами? А вдруг он испугается и исчезнет сейчас, а не потом, и она останется одна? Но в глубине души она знала: сказать придётся. Потому что молчать — это продолжать ту же кабалу, только внутри самой себя.

ГЛАВА 8

Храм встретил её тишиной и холодом. Арсений уже был там — он растопил небольшую печку-временку, которую соорудил из старого ведра и трубы, выведенной в проём окна. Внутри был полумрак, пахло дымом и скипидаром. Он стоял у фрески, но не работал — просто смотрел на Богородицу. Услышав шаги, обернулся. Лицо у него было встревоженное.

— Что случилось? — спросил он без предисловий, когда Вера вошла и стянула варежки.

Она прошла к скамье, села. Помолчала. Потом выдохнула:

— Я беременна.

Арсений замер. В первое мгновение на его лице отразилась растерянность, почти детская. Он машинально снял очки, протёр и надел снова, будто это могло помочь лучше осознать услышанное.

— От... от меня? — тихо спросил он.

— Я не знаю. Может быть, от тебя. Может быть, от Виталика. Я не знаю точно. Но это не важно.

— Как это не важно? — в его голосе прорвалась нотка, похожая на раздражение, и он тут же осёкся. — Прости, я не должен так. Просто это... неожиданно.

— Для меня тоже.

Они замолчали. В печке потрескивали дрова. С улицы доносился далёкий лай собак. Вера смотрела на свои руки, лежавшие на коленях, и чувствовала, как внутри неё пульсирует живая точка, о которой она теперь заявила вслух.

Арсений отошёл к окну, постоял, глядя на белое поле, потом резко повернулся:

— Ты решила, что будешь делать?

— Я решила рожать.

— Несмотря ни на что?

— Да.

Он подошёл и присел перед ней на корточки, так что их лица оказались на одном уровне. Вера впервые увидела в его глазах не только доброту и тревогу, но и страх — тот самый, о котором он говорил. Страх ответственности, страх боли, страх несвободы.

— Вера, я не знаю, смогу ли я быть отцом. Я никогда к этому не готовился. Я едва справляюсь с собой. Моя жизнь — череда побегов. Но если ты хочешь, чтобы я был рядом, я попробую. Я правда попробую.

— Ты уже рядом, — прошептала она. — Этого достаточно для начала.

Он опустил голову и прижался лбом к её коленям. Плечи его дрогнули. Вера положила ладонь на его затылок — жест, которого никогда не позволяла себе ни с кем. Это было первое по-настоящему взрослое прикосновение в её жизни: не плата, не утешение, а защита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.